

Маланья -- голова баранья — эпизод 3 из 3

Скажи теперь мне за то в одно слово, что у тебя есть в желании -- и тебе то у Бога и выпрошу.

А Маланья говорит-

-- Что мне недостает? я и так всегда радостна, а желаю только, чтобы смерть моего порога не переступала, а если придет, так чтобы за дверью присохла.

Старик отвечает:

-- Что ж, -- так и будет.

Ушел старик, а смерть вот же тут и жалуется; наряжена богатой казачкой в парчовом шугае с золотой пикою, юбка штофная, на боку стальная коса на золотой цепочке, чеканной на манер мертвых костей человеческих, вся рожа накрашена, черные зубы во рту белым платочком заслоняет и в избу просится.

-- Покажи, -- говорит, -- мне детушек-голубятушек, я им принесла по медовому груздочку и по точеному яблочку.

А Маланья как взглянула на нее, так и признала ее, что это смерть, -- вскричала ей:

-- Хорошо им со мной и без яблочек, а тебя бы лучше не было, и присохни ты на одном месте.

Та и присохла и не может оторвать ног от того места, где пристала, а Маланья ее сухим хворостом заслонила, чтобы не видеть ее было.

И славно бы дело сделалось, да пошли от селения ужасные стоны и слезы: сильный слабого теснит и бьет без милости, и нет на злодея в жестоком сердце его никакой угрозы, и как были люди жестоки, то стали еще жесточе того, и приходят к Маланье всякий день столько несчастных, сколько она во всю свою жизнь не видала, и она уже не может помогать им, и слышит, как они плачут и смерть кличут: "Смертюшка-матушка, где ты заваялась! зачем мир покинула! приди, укрой нас от злодеев наших немилостивых -- без тебя они зазнались без памяти!"

Тут Маланья ума хватилась.

-- Это я, -- говорит, -- дура, все лихо наделала, захотела поправлять дела Божии -- чему быть, а чему не быть сотворенному. И завяла смерть, а заслонена у меня кучкой хвороста.

И пошла Маланья, развалила хворост, а смерть-то так уж не румяною казачкой глядит, а как паутиночка, и коса у ней вся заржавела.

-- Иди, куда тебя Бог послал! -- сказала Маланья смерти: и та колыхнулась и поплыла к селу паутиною по сжатому полю, и послышался вскоре

погребальный звон, и перекрестились бедняки и вострепнулись богатые мужики.

-- Мы, было, думали, -- она навсегда кончилась, а вот она, как змея, из хворосту выскочила. Нельзя век лютовать и властвовать.

А убогие крестились и сами в гробы ложились.

-- Устали, -- говорят, -- наши косточки -- насилу дождались земли горсточки.

И обошла смерть все село за лесом и убрала все, что было нужно убрать, -- а с другими вместе и Ерашку, и Живулечку, потому что было уже и безрукому, и безногой более чем по сту лет, а Маланья осталась жить и все живет, как прежде жила, и все то же делает, что и прежде делала, и все те умерли, кто звал ее "Маланьей-головой бараньей", и сама она это имя позабыла. И как смерть обойдет весь свет да придет к ней и спросит:

-- Как тебя звать?

Она старается вспомнить и никак вспомнить не может и говорит:

-- Не знаю -- верно, мое имя переменялось. Смерть стала вопрошать; "как имя этой женщине?" А ей в ответ и упал с неба белый, как снег, чистый камень, как сердце обточенный, и на нем огнистым золотом горит имя: "Любовь".

Увидела это смерть и сказала:

-- Ты не моя, -- нет твоего имени в моем приказе: любовь не умирает: ты доживешь до тех пор, когда правда и милосердие встретятся, и волк ляжет с ягненокм и не обидит его.